

Айко Атами
ВТОРОЙ СТУЛ

Айко Атами

Второй стул

<https://litres.ru/73830231>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кирилл Вершинин, ведущий хирург федерального нейрочентра, умеет контролировать всё, кроме людей. В операционной он безупречен, вне её — требует математической точности и соблюдает жесткую дистанцию. Новый анестезиолог Женя Ларина должна была стать очередной коллегой, не выдержавшей его графика. Вместо этого она нарушает его выстроенный по миллиметрам алгоритм.

Ночные дежурства, тяжелые операции и профессиональная синхронность постепенно переводят рабочее партнёрство в личную плоскость. Когда пациент умирает на столе, а профильная комиссия требует показаний, Жене приходится выбирать между сокрытием фактов и честностью перед человеком, которого она любит. Чтобы сохранить отношения, им предстоит отказаться от главной иллюзии: будто доверие можно выстроить без правды.

«Второй стул» — современный медицинский роман о доверии, выгорании, нейроотличности и любви, которая не чинит, а видит.

Содержание

Глава 1. Аплодисменты	4
Глава 2. Не комментируйте процесс	16
Глава 3. Кружка	27
Глава 4. План	40
Глава 5. Флешбэк	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Айко Атами

Второй стул

Точность спасает жизнь.

Доверие делает её возможной.

Глава 1. Аплодисменты

Операция длилась семь часов.

На седьмой час кожа под маской пересыхает, а лента врежется в переносицу, отдавая тупой пульсацией в затылок. Собственный пот в перчатках ощущается как чужая влага. Любой звук в комнате становится отдельным предметом.

Последние две минуты решали, будет ли ребёнок говорить.

Кирилл времени не отслеживал. В операционной время считалось этапами. Вскрытие твёрдой мозговой оболочки — этап. Идентификация опухоли — этап. Отделение от ствола, миллиметр за миллиметром, под увеличением в шестнадцать раз — этап, самый длинный; в нём руки работали отдельно от остального тела, как инструмент.

Скальпель. Разрез. Тампон. Дальше.

Ребёнку было девять. Дорсально-экзофитная опухоль ствола, вероятная пилоидная астроцитома. «Неоперабельная» — так написали в направлении из областной больницы. Кирилл зачёркивал «неоперабельная» всегда. Это слово было не приговором, а маркером квалификации пишущего.

— Коагуляция, — сказал он.

Ринат подал. Не переспрашивая, не уточняя — после трёх лет они общались на языке, в котором слова были необязательны. Коагуляция. Тампон. Аспиратор. Каждый инструмент — в нужную секунду, в нужном положении, с нужным углом.

Ринат не заполнял паузы, не рассказывал «как прошло» и не пытался угадывать настроение. Подавал инструмент в нужную секунду, под нужным углом. Этого было достаточно.

Последний фрагмент опухоли отделился от здоровой ткани. Кирилл задержал дыхание. В момент финального разделения любое движение грудной клетки передавалось через руки: полмиллиметра смещения — разница между «говорит» и «не говорит» в графе послеоперационного прогноза.

Ткань отпустила не сразу. Сначала — сопротивление, почти упругое; потом — мягкое проваливание, как если бы нож внезапно перестал встречать плотность. Этот момент нельзя было ускорить. Его можно было только не испортить.

Отделил. Положил в лоток. Посмотрел на монитор: витальные стабильны.

— Закрываемся, — сказал он.

— В ПИТ сразу. Как проснётся — позовите мать. Только факты, без обещаний.

Ринат кивнул. Хирургическая бригада включилась в протокол ушивания. Кирилл отступил от стола и стянул лупы. Мир стал размытым, крупным, нерезким — как всегда после многочасового микрофокуса. Несколько секунд он моргал, возвращая глазам обычную дистанцию.

Он слышал, как меняется акустика, когда микроскоп отводят в сторону: пропадает низкий гул моторов, и сразу проступают второстепенные вещи — шуршание пакетов, щелчок клипс, чьё-то дыхание. Стерильное поле переставало быть единственным объектом.

Когда он вышел из операционной, кто-то захлопал. Потом — ещё кто-то. Через стеклянную стену наблюдательной он видел ординаторов, трёх медсестёр и заведующего соседним отделением. Они аплодировали.

Аплодисменты звучали неровно: разные ладони, разная частота, несинхронность. Это было хуже, чем один громкий звук. Звук можно вычленишь и игнорировать. Хлопки расползались по коридору как пульсация. Хотелось нащупать регулятор громкости, которого здесь не было.

Кирилл не остановился. Не посмотрел. Он знал, что от него ждут реакции — улыбки, кивка, хотя бы поднятой руки. Это было как просьба ответить на вопрос, которого никто не сформулировал.

Кирилл стянул перчатки, бросил в контейнер и пошёл по коридору к своему кабинету. За спиной Ринат сказал кому-то — негромко, но Кирилл услышал:

— Не обижайся. Он так со всеми.

Кабинет был маленький, но это не имело значения. Важным было другое: дверь закрывалась, свет регулировался, стол стоял у стены без окна. Кирилл сел. Снял шапочку. Провёл пальцами по вискам. После операции мир всегда ста-

новился громче: гудение кондиционера в коридоре, чьи-то шаги, звук лифта. В операционной всё это фильтровалось. Здесь — нет.

Он сделал свет на треть яркости. Ровно на треть — не «поменьше», а в конкретную позицию ползунка. Положил ладони на край стола. Дерево было тёплым — кабинет прогрелся хуже, чем операционная. Он постучал пальцами три раза. Остановился. Звук от столешницы получился слишком резким.

Он посидел три минуты. Не «примерно», а три: секундная стрелка на часах делала полный круг три раза, пока он смотрел не на неё, а чуть выше — в стык двух потолочных плит. Потом открыл блокнот и записал: «Глиома ствола, 9 лет, тотальная резекция, зрит. н. интактен, слух не тестирован — контроль через 12 ч.» Закрыл. Встал. Вымыл руки — хотя уже мыл, — потому что вода с короткой прохладой на запястьях возвращала границы.

В коридоре стоял ординатор. Первый год, фамилию Кирилл не помнил — не из пренебрежения, просто фамилии ординаторов не задерживались в оперативной памяти дольше, чем сами ординаторы.

— Кирилл Андреевич, я закончил с Петровой. Наложил...

Кирилл посмотрел на экран планшета, который ординатор протянул.

— Шов неровный. Третий стежок — смещение на два миллиметра латерально. Переделайте.

— Сейчас. До обхода, — добавил он, потому что сроки — тоже часть результата.

Ординатор перенёс вес с ноги на ногу. Капилляры на его лице расширились — стрессовая эритема, классическая. За его спиной медсестра Вера шепнула — тоже негромко, тоже достаточно:

— Мог бы помягче.

Кирилл не отреагировал. Не потому что не слышал. Он слышал всё — в этом-то и проблема. Просто «помягче» не было категорией, которую он мог применить к кривому шву. Шов либо ровный, либо неровный. Два миллиметра — два миллиметра. Мягкость формулировки не меняла смещение. И не выравнивала шов.

Если он начнёт «смягчать», придётся тратить время на подбор слов. В операционной у времени было более точное применение.

Он прошёл мимо сестринского поста. На стойке кто-то оставил открытую банку кофе. Запах ударил раньше, чем он увидел её: «Lavazza», зерновой, терпкий, с кислинкой, которую дешёвый «растворимый» не давал. Банка стояла без крышки, и это занимало его ровно столько секунд, сколько потребовалось, чтобы пройти мимо. Чужие запахи не регулировались. Это приходилось терпеть.

Он отметил автоматически: крышка лежит рядом, значит, человек отошёл «на минуту» и вернётся. Значит, трогать нельзя. Любое вмешательство в чужой порядок давало одинаковый результат: разговор.

На проходной он достал телефон. Одно уведомление от Рината: «Третий за год. Стрельников уже звонит». Кирилл прочитал. Не ответил. Зафиксировал: третий анестезиолог ушёл из его бригады за год.

Это означало новый ритм в операционной. К нему придётся привыкать. Привыкание — это микропаузы, паузы — это риск, а риск потом превращался в осложнения, отчёты и вопросы.

Квартира встретила его тишиной.

Это была правильная тишина: не пустая, а организованная. Ботинки — на полку, левый к левому, правый к правому. Ключи — в ту же серую керамическую миску у двери. Свет в прихожей — не включать. На кухне — только верхний.

Холодильник гудел ровно, без провалов. Радиатор в спальне стучал раз в восемь минут. Он слышал это не потому, что прислушивался, а потому что дома звуки не перекрывались человеческими голосами.

Плейлист запустился автоматически: Бах, «Хорошо темперированный клавир», том первый, прелюдия до мажор. Тот же порядок, что вчера. Что позавчера. Что каждый вечер последние несколько лет.

Он однажды пытался поставить другое — чтобы проверить, может ли терпеть вариативность. Через двадцать секунд выключил: в музыке случилась внезапная пауза, и эта пауза оказалась громче звука. Бах не делал так. У Баха всё шло по правилам.

Кирилл открыл холодильник. Контейнер с рисом и курицей, приготовленный в воскресенье. Семь контейнеров на

неделю, одинаковый состав, одинаковые пропорции. Он поставил контейнер в микроволновку. Сто восемьдесят секунд.

На крышке была наклейка с датой. Он не доверял памяти, когда можно доверять бумаге.

В шкафу — три белых рубашки и две пары тёмных брюк. Выбор одежды он исключил давно: каждое решение, не связанное с операционной, забирало ресурс, который можно потратить на миллиметры.

Телефон зазвонил.

Он знал, кто это, по времени: 20:40, вторник. Мать звонила по вторникам и субботам, в 20:40 ± пять минут, последние три года. Иногда он думал, что она тоже живёт по расписанию, но потом понимал: нет. Она просто ждала весь день и звонила, когда решала, что «уже можно».

— Привет, мам.

— Кирюша, ты поел?

— Да.

Микроволновка ещё работала. Так было быстрее: один слог, и тема закрыта. Поесть он собирался через минуту.

На дисплее осталось 0:47. Писк будет резким. Он выключил звук заранее — одним нажатием, как и вчера.

— Как день?

— Нормально. Операция. Прошла хорошо.

— На ребёнке?

— Да.

— Господи... Ты хоть отдохай потом. Ты ведь не отдыхаешь.

— Я отдыхаю.

Пауза. Он слышал, как она подбирает следующую фразу — осторожно, как будто щупает лёд ногой.

— А друзья? Ты с кем-нибудь общаешься? Не на работе, а просто...

— Мам. Десять минут.

— Я просто беспокоюсь, Кирюша.

— Я знаю.

Он положил трубку ровно через десять минут — как всегда. После десятой минуты начиналось одно и то же: пульс отдавался в ключицах, межрёберные мышцы стягивало, как после бега. Он заканчивал разговор раньше.

Одни и те же интонации в трубке. Достаточно, чтобы на-

жать отбой, но недостаточно, чтобы сказать об этом прямо.

Рис с курицей остывали быстро. Он ел стоя, глядя в белую стену без картин и фотографий. Пустая поверхность не требовала интерпретации.

Потом вымыл контейнер и поставил на сушилку. Тарелка в шкафу, кружка на полке — по одной.

В кабинете для посетителей стоял один стул. Второй, складной, Кирилл снёс в подсобку семь месяцев назад. Когда стульев два, родственники начинали меняться местами, перебивать друг друга и затягивать разговор. Один стул дисциплинировал: один говорит, второй слушает, разговор не расползается.

Он оставлял в комнате стакан воды и коробку салфеток. Вода и салфетки не задавали вопросов.

Кирилл сел на кровать. Снял часы. Положил на тумбочку, экраном вниз, рядом с телефоном. Бах перешёл в прелюдию ре минор.

Из телефона пришло ещё одно сообщение от Рината: «Стрельников сказал, нового ставят послезавтра. Из Ворожея».

Четвёртый за год — тот, кого ставят после трёх ушедших.

Он лёг. Закрыв глаза. Бах играл ещё двадцать три минуты — ровно до конца прелюдии фа-диез мажор, после которой плейлист останавливался автоматически.

Тишина.

Правильная, привычная, абсолютная.

Ему не было одиноко. Ему было *одному*. Разница работала.

Пока.

Послезавтра в его бригаду входил новый человек. Из Воронежа.

Новая переменная, если переводить в привычный язык.

Статистика по ней была короткой: месяц. Потом увольнение.

Глава 2. Не комментируйте процесс

Женя приехала за сорок минут до начала смены.

Она всегда приезжала рано. В областной больнице это давало время проверить аппарат, свериться с картами и выпить кофе стоя, пока в ординаторской никого нет. Здесь, в федеральном центре, ранний приезд давал другое: возможность постоять у входа и убедить себя, что она имеет право войти.

Парковка была полупустой. Март, семь утра, серый свет без теней. Корпус стоял за берёзами — шесть этажей стекла и бетона, логотип Минздрава на фасаде. Женя вышла из машины, закинула рюкзак на плечо и сразу обратила внимание на окна четвёртого этажа: нейрохирургия. Два горели. Кто-то уже работал.

Она поправила воротник куртки. Под ней — хирургический костюм, отглаженный, зелёный. На ногах — кроссовки: белые, с оранжевыми вставками. Единственная вещь, купленная не глядя на цену. Яркие, абсолютно не по протоколу. Женя знала это. Именно поэтому она их и надела. Снять их означало сдать ещё до входа в операционную.

В вестибюле пахло хлоркой и чем-то тёплым из столовой.

Она получила пропуск у охранника, нашла лифт и нажала четвёрку.

До начала планёрки оставался почти час. Женя успела дойти до преднаркозной, открыть чек-лист на планшете и проверить аппарат ИВЛ, испаритель, кислородную магистраль, резервный амбу. Всё было исправно, сухо, аккуратно — как в каталоге оборудования, где у приборов нет истории и никто не срывается после ночного дежурства.

В ординаторской она открыла график операций на неделю. Напротив фамилии «Вершинин К.А.» в колонке «анестезия» стояло пусто — на сегодня только карандашная пометка «Ларина». Ниже — тоже пусто. Значит, ещё не утвердили. Значит, теоретически можно дышать.

Ординаторская нейрохирургии оказалась длинной комнатой с окном в торце. Стол, шкаф, вешалка, три стула, кофемашина — импортная, но с вмятиной на корпусе, как будто кто-то однажды ударил по ней локтем. На стене — график дежурств, расписание операций и лист с надписью «КРУЖКИ ПОДПИСАТЬ!!!» с тремя восклицательными знаками. Женя посчитала кружки: семь. Ни одна не выглядела подписанной.

— Ларина?

Она обернулась. В дверях стоял мужчина в хирургическом костюме, крупный, спокойный, с бейджем «Хасанов Р.Ф.». Ринат. Она читала списки бригадных составов прошлой ночью — трижды, потому что не могла заснуть.

— Да. Женя. Здравствуйте.

— Ринат. — Он кивнул, не протягивая руки. — Раздевалка — направо. Шкафчик двенадцать. Замок заедает, дёрни вверх и влево.

— Спасибо.

Он не улыбнулся. Не нахмурился. Нейтральное лицо человека, который видел, как эту сцену играли уже три раза за год, и не собирался вкладываться в четвёртую.

Женя переделалась, убрала волосы под шапочку и вышла в коридор. У сестринского поста две медсестры — одна в возрасте, другая моложе — подняли головы.

— Новенькая? — спросила старшая.

— Ларина. Анестезиолог.

— К Вершинину?

— Да.

Медсестры переглянулись. Младшая — Вера, по бейджу

— посмотрела с выражением, которое Женя классифицировала как сочувствие. Старшая кивнула, как кивают, когда подтверждают диагноз.

— Месяц, — сказала Вера. Не Жене. Подруге. Но достаточно громко.

Женя слышала. Улыбнулась — не этим двоим, а себе. Злость всегда была отличным топливом.

Стрельников появился в десять. Высокий, седые виски, костюм под халатом, запах дорогого одеколona. Он пожал ей руку крепко и коротко, как человек, привыкший к рукопожатиям.

— Евгения Михайловна. Рады. Кирилл Андреевич — лучший хирург в отделении. Сработаетесь.

Он произнёс это тем тоном, которым в больнице обещают, что всё штатно. Не факт. Но спорить как будто уже поздно.

— Операция в одиннадцать. Плановая, менингиома лобной доли. Стандартный доступ, часа на четыре. Хорошее начало.

Он уже сделал шаг в сторону, потом вернулся на пол-обо-

рота, как будто вспомнил пункт, который не вошёл в официальную часть.

— И ещё. С сегодняшнего дня вы в основной связке с Вершининым. Постоянно.

Женя моргнула.

— В смысле «постоянно»?

— В прямом. Кадров нет. Перестановок тоже. Любые замены — только через меня.

— А если мы не сработаемся?

Стрельников посмотрел на неё спокойно, без враждебности, но с тем управленческим терпением, которым закрывают спор до его начала.

— Вы два года сюда шли. Это и есть ваше место. Не тратьте первый день на гипотетические «если».

Он похлопал её по плечу и ушёл. Женя стояла в коридоре и слушала, как его шаги затихают. Потом посмотрела на двери операционного блока.

За ними работал человек, от которого ушли три анестезиолога за год.

Она сжала ремень рюкзака, который уже убрала в шкафчик. Рука сжала воздух. Привычка.

Два года, — подумала она. — Я два года шла сюда. Месяц — не мой срок.

Кирилл стоял у раковины и мыл руки.

Новый анестезиолог уже был в операционной. Он знал это, потому что слышал: кто-то передвинул стул, положил сумку, открыл планшет. Лишние звуки. Каждый новый человек привносил пакет акустических помех, которые рассыпались только после двух-трёх смен — если этот человек задерживался.

Предыдущие не задерживались.

Он вошёл. Стандартный состав: Ринат у инструментального стола, санитар, две операционные медсестры. И она — за аппаратом ИВЛ, уже подключённая к мониторам. Невысокая, зелёный костюм, шапочка, из-под которой выбивалась прядь. На ногах — кроссовки. Белые с оранжевым.

Кирилл посмотрел на кроссовки. Потом на мониторы. Потом на пациента.

— Начинаем.

Первые сорок минут прошли в рабочем режиме. Кирилл вскрыл кожу, надкостницу, начал трепанацию. Ринат подавал. Мониторы пищали ровно. Всё шло по протоколу.

Потом она заговорила.

— Давление стабильно, сто двадцать на семьдесят пять. Сатурация — девяносто девять.

Кирилл не ответил. Данные были на мониторе. Он их видел.

— Пульс — шестьдесят два. Ровный.

— EtCO₂ держу на тридцати двух. Если пойдёте глубже медиально, подниму вентиляцию на два.

Кирилл коротко кивнул, не поднимая глаз.

— Маннитол сейчас или после вскрытия капсулы?

— После, — сказал он.

— Принято.

Он продолжал работать. Ультразвуковой аспиратор. Опухоль хорошо отграничена, капсула плотная. Стандартный случай.

— Отлично идёт, — сказала она.

Кирилл остановился. Не руки — руки продолжали работать на автомате. Сбилось внутреннее: ритм, который он выставлял перед каждой сменой. Четыре секунды вдох, четыре выдох. Тишина как часть стерильной зоны. Его зоны.

К монотонному писку монитора примешался её голос, потом шорох ткани, потом скрип педали. По отдельности всё было допустимо. Вместе сбивало ритм.

Голос чуть ниже среднего, с мягким закруглением на концах фраз. Слишком заметный.

— Не комментируйте процесс, — сказал он. — Ваша задача — наркоз.

Пауза. Две секунды. Он ожидал, что она замолчит. Все замолкали.

— Моя задача, — сказала она ровно, — чтобы пациент

выжил. И вы, кстати, тоже.

За маской Ринат опустил глаза. Кирилл не видел его лица, но знал эту микромоторику: скулы сжались. Усмешка.

— Кровопотеря сто двадцать. Держу объём, — добавила Женя тем же ровным тоном, как будто реплика про «и вы тоже» была ещё одним рабочим параметром.

Кирилл не ответил. Продолжил работать. Опухоль отделилась слоями, капсула держалась, кровотечения не было. Четыре часа прошли без осложнений. Он закончил, снял перчатки, вышел.

В коридоре он остановился у питьевого фонтанчика. Глоток воды. Металлический привкус труб, восемнадцать градусов — слишком тёплая. Он выплюнул и вытер губы тыльной стороной ладони.

Она стояла у палаты. Через стеклянную стену он видел: пациентка — женщина, пятьдесят четыре года, менингиома лобной доли, прогноз благоприятный — уже просыпалась. Рядом — дочь, глаза красные, руки вцепились в сумку.

Женя зашла в палату. Он слышал через неплотно прикрытую дверь.

— Операция позади. Опухоль убрали полностью. — Голос стал ниже, медленнее, без операционной сухости. — Завтра будет болеть меньше. Послезавтра — ещё меньше.

Она положила руку на плечо дочери. Ткань чужого свитера чуть смялась под пальцами Жени. Дочь шумно выдохнула.

— Всё будет хорошо, — сказала Женя.

Кирилл стоял в коридоре и ждал. Когда она вышла, он не отступил.

— Вы не можете этого гарантировать.

Женя остановилась. Посмотрела прямо на него, на секунду дольше допустимого в рабочей зоне. Не отвела взгляд первой.

— Я знаю, — сказала она. — Но ей нужно было это услышать.

Кирилл смотрел на неё ещё секунду. Потом развернулся и ушёл к себе. Дверь закрылась. Свет — приглушить. Сесть. Провести пальцами по вискам.

Она не замолчала. Она ответила. И пациент выжил.

Два факта. Одно совпадение. Данных для вывода недостаточно.

Он открыл блокнот и записал параметры операции. Анестезиолога не упомянул.

Телефон завибрировал почти сразу.

Диспетчерская ОР: Ларина Е.М. закреплена за бригадой Вершинина К.А. на постоянной основе. Замены через зав. отделением.

Кирилл прочитал сообщение один раз. Положил телефон экраном вниз.

Через минуту пришло второе — недельный график. В строке «Вершинин» фамилия «Ларина» стояла напротив каждого дня.

Постоянно.

Кирилл заблокировал экран. Сколько смен уйдёт на то, чтобы лишний голос превратился в фоновый шум?

Глава 3. Кружка

Женя положила результат анализа на край стола и остановила руку в двух сантиметрах от синей кружки.

К концу третьей недели это движение стало рефлексом.

Женя выучила, что утренний обход начинается в восемь пятнадцать, а не в восемь, как стояло в расписании, — потому что Кирилл приходил в восемь и тратил пятнадцать минут на то, чтобы проверить записи ночной смены, результаты МРТ и свежие анализы. Молча. У стола. Стоя. С кружкой, которую не пил, а держал двумя руками, как якорь.

Она выучила, что он не здороваётся. Не «игнорирует» — буквально не здороваётся: входит, кивает в сторону монитора и включается в работу. Ринат тоже не здоровался, но иначе — по инерции, из-за привычки экономить энергию. Кирилл — по архитектуре: в его утреннем протоколе слово «здравствуйте» не стояло, как не стоит лишняя деталь в чертеже.

Она выучила, что инструменты на его столе лежат в определённом порядке: ручка — слева, блокнот — справа, телефон — экраном вниз, кружка — у края, строго на четыре

пальца от лампы. Однажды Женя сдвинула кружку, чтобы положить результат анализа. Два сантиметра. Он зашёл, увидел, вернул на место — беззвучно, точно, как будто исправлял хирургический шов. Женя заметила. На следующий день положила анализ с другой стороны.

Он не сказал спасибо. Он не сказал ничего. Но кружка осталась на месте.

За эту неделю — две операции и один повторный осмотр. Менингиома — повторный осмотр. Глиома мозжечка — плановая, пять часов. Невринома слухового нерва — сложная, семь часов, с интраоперационным мониторингом. Женя участвовала во всех трёх случаях. Держала параметры. Комментировала — но реже, чем в первый день. Не потому что сдалась, а потому что считывала: ему нужна была не тишина абсолютная, а тишина *его* — ритмичная, привычная, с единственным голосом — голосом данных.

Ни одного «хорошо».

Ни одного «плохо».

Ничего.

Вера, младшая медсестра, подошла к ней в среду у кофемашины — той самой, импортной, с вмятиной. Налила себе, потом Жене. Женя не просила — Вера просто поставила

вторую чашку рядом.

— Ты его не выводишь, — сказала Вера.

— Это комплимент?

— У нас это — высшая форма похвалы. Предыдущая, Марина, на третий день расплакалась в раздевалке. До неё был Олег, тот продержался две недели, но на второй спросил «а что, вообще нормально, что он не разговаривает?» — Вера помешала сахар. — И ушёл.

— Я не собираюсь уходить.

— Все так говорят. — Вера не сказала это жестоко. Она сказала это, как говорят прогноз погоды.

Женя допила кофе стоя. Горечь осела на языке — не кофейная, другая. Она привыкла к обратной связи. В Воронеже главврач хвалил или ругал — оба варианта были данными. Здесь данных не было. Здесь был вакуум, и вакуум выедал нервы чище любой критики.

Она зашла в ординаторскую. Кирилл сидел у компьютера, спиной к двери. На мониторе — МРТ-снимки следующего пациента. Женя села за свой стол, открыла планшет, начала просматривать протокол завтрашней операции. Десять минут тишины. Пятнадцать. Двадцать.

Она не выдержала.

— Кирилл Андреевич.

Он не обернулся. Пальцы продолжали стучать по столу — ритмично, с одинаковой частотой.

— Я делаю что-то не так?

Пауза. Три секунды. Стук прекратился.

— Нет.

— Тогда я делаю что-то правильно?

Он повернул голову — не к ней, а в сторону окна, как будто вопрос материализовался где-то в пространстве между ними и требовал визуального обнаружения.

— Вы выполняете свою функцию.

Женя закрыла планшет. Медленно. Чтобы не хлопнуть.

— Это не ответ.

— Это точный ответ.

Она встала. Вышла. В коридоре прислонилась к стене, закрыла глаза и досчитала до десяти. Потом достала телефон

и набрала Лену.

— Привет. Ты занята?

— Жарю котлеты. Что случилось?

— Три недели. Ни одного «хорошо». Ни одного «плохо». Он не кричит, не хвалит, не даёт обратную связь. Я как будто работаю с аппаратом ИВЛ — он функционирует, я функционирую, между нами — кислородная магистраль и ноль слов.

Лена помолчала. В трубке зашипело масло.

— Женя, ты путаешь «не похвалил» с «ты плохая».

— Я не путаю.

— Путаешь. В Воронеже Семёныч всегда маркировал тебя: «молодец» или «переделай». Здесь тишина, и ты читаешь её как провал.

Женя хотела возразить, но Лена уже перевернула котлету и продолжала:

— Он тебя не уволил. Не попросил замену. Не устроил скандал. Для человека, от которого за год ушли трое, — это максимум признания.

— Это не смешно.

— Я и не смеюсь. Твоя компетентность не зависит от его «хорошо». Просто тебе пора держать это без внешних подпорок.

Женя молчала. За окном в коридоре проехала каталка — тихо, на мягких колёсах.

— Я знаю, — сказала она наконец. — Просто шкафчик с заедающим замком и нулевой обратной связью — это не то, о чём мечтаешь, когда два года пробиваешься в федеральный центр.

— Мечтаешь ты о кроссовках и о том, чтобы никто не умер. Остальное — бонусы.

Женя почти улыбнулась. Почти.

— Котлеты горят, — сказала Лена. — Всё. Береги себя. И не трогай его кружку.

Женя посмотрела на телефон. Экран погас.

Я не трогаю его кружку, — подумала она. — Я перестала трогать всё. И это, кажется, единственное, что он заметил.

Кирилл сидел в кабинете, и дверь была закрыта.

Это был хороший вечер — в том единственном смысле, который он признавал: операции закончились, документация заполнена, ошибок нет. Три переменные — все в границах нормы. За окном темнело, фонарь на парковке мигал с периодом в четыре секунды — он засёк ещё в первую неделю работы.

Кружка стояла на столе. Его кружка. Синяя, без рисунка, без надписи. Он купил её три года назад, потому что она подходила по диаметру ладони, температура не передавалась через стенки слишком быстро и ручка не задевала указательный палец при стандартном хвате. Идеальный объект: предсказуемый, неизменный, без дефектов.

Четвёртый анестезиолог — Ларина — перестала двигать кружку.

Он зафиксировал это в среду, когда зашёл после планёрки и обнаружил: результат анализа лежал с другой стороны стола. Не на привычном месте — на новом, рассчитанном так, чтобы не задеть кружку. Два дня назад она сдвинула её на два сантиметра. Он вернул. Она запомнила.

Предыдущие не запоминали.

Олег клал бумаги прямо на кружку — сверху. Марина передвигала и ставила по-своему, ближе к центру стола. Анестеziолог до них, имени которого Кирилл не сохранил, однажды налил в неё свой чай. Все трое — в первую неделю. Все трое — ушли до третьей.

Ларина не ушла. Ларина просто положила бумагу с другой стороны.

Кирилл открыл блокнот. Чёрная гелевая ручка, линованная бумага, записи — аккуратные, одинаковый наклон: 15 градусов вправо.

«Ларина Е.М. Неделя 3. Наблюдения.»

Он записал параметры трёх операций: время, кровопотерю, отклонения от протокола. Отклонений не было. Рядом с каждой записью — прочерк в графе «примечания». Работа выполнена корректно. Данных для оценки достаточно. Заключение: квалификация соответствует.

Он должен был закрыть блокнот. Вместо этого написал ниже, мельче:

«Кружка: больше не трогает. Считывание?»

Поставил вопросительный знак. Посмотрел на него. Вопросительный знак — редкий элемент в его записях. Обычно — точка. Утверждение. Факт. А здесь — пробел, который требовал заполнения чем-то, для чего у него не было шкалы.

Она запомнила. Не саму кружку — его реакцию на смещение кружки. Потом пересчитала траекторию бумаг. Двойная калибровка. Слово «забота» он не использовал. Но отметка легла где-то рядом.

Телефон завибрировал. Мать. Вторник, 20:42 — на две минуты позже обычного.

Он не взял трубку. Подождал, пока вибрация прекратится. Открыл сообщение: «Кирюша, позвони, когда освободишься. Папа говорит, ты давно не звонил.»

Кирилл закрыл сообщение. Отец не говорил этого. Отец не говорил ничего уже много лет — они существовали в параллельных коридорах одного дома, и это всех устраивало. «Папа говорит» было материнским инструментом: переложить запрос на третье лицо снижало вероятность отказа. Он знал этот паттерн. Не реагировал. Но каждый раз фиксировал.

Дверь в кабинет оставалась закрытой, но через стену он слышал шаги в коридоре. Вечерняя смена — суета стихала, остаётся только дежурная медсестра и тишина. Его тишина. Та, которую он конструировал годами: без лишних голосов, без чужих запахов, без прикосновений, которых он не санкционировал.

Он подумал о Стрельникове.

Утром Стрельников вызвал его на десять минут. Обычная процедура: подписание отчёта о прошедшей неделе. Кирилл расписался, не читая — он и так знал содержание, он и писал. Но Стрельников задержал лист.

— Я немного подправил формулировку, — сказал он.

Кирилл посмотрел. Абзац про невриному — седьмая операция, семь часов. В оригинале он написал: «Интраоперационно выявлено нештатное кровоснабжение опухоли, потребовавшее коррекции доступа. Время операции увеличено на 40 минут.» В версии Стрельникова это превратилось в: «Операция проведена в штатном режиме с незначительной модификацией доступа.»

«Нештатное» стало «незначительным». «Потребовавшее

коррекции» исчезло. Сорок минут — испарились.

— Для аккредитационного отчёта лучше без лишних деталей, — сказал Стрельников. — Исход-то хороший.

Кирилл посмотрел на него. Потом на лист. Потом снова на него.

Он мог сказать: это искажение данных. Он мог сказать: осложнение было, и протокол должен его отражать. Он мог сказать: вы подменяете факт интерпретацией, и это практика, несовместимая с клинической этикой.

Он ничего не сказал. Забрал лист. Вышел.

Сейчас, в кабинете, он смотрел на блокнот. Под записью про кружку оставалось место. Он не записал инцидент со Стрельниковым. Не потому что забыл — потому что не мог классифицировать собственную реакцию. Он промолчал. Обычно этого было достаточно. В этот раз осталось ощущение незаполненной строки.

Он закрыл блокнот. Открыл снова. Под «Считывание?» дописал:

Ларина. Вопрос сегодня: „А вам вообще нравится оперировать?“

Она спросила это утром, между операциями, когда он стоял у раковины и мыл руки второй раз, потому что первый ему показался недостаточным.

Он не ответил. Вопрос требовал эмоциональной шкалы, а в тот момент у него был только протокол.

Сейчас, в тишине кабинета, формулировка собиралась медленно: в операционной последовательность сохраняется, вне её — нет.

Но, кажется, она спрашивала не про профессию. Про него.

Тебе хорошо?

Кирилл выключил лампу. Кабинет погрузился в темноту, разбавленную фонарём с парковки — четыре секунды свет, четыре секунды тень. Он сидел и слушал, как стихает больница: последняя каталка, закрытие дверей, гудение вентиляции, которое он давно перестал замечать, но сейчас почему-то заметил.

Она задала вопрос. Он не ответил. Она не настаивала. Три факта. Ни одного вывода.

Но кружку он завтра переставит на два сантиметра ближе

к краю. Не к ней — к месту, где она кладёт бумаги.

Он не знал зачем.

Глава 4. План

Кружка стояла на два сантиметра ближе к краю.

Женя заметила это утром, когда положила результаты КТ на стол — как обычно, правее лампы. Синяя кружка сдвинулась на ширину двух пальцев, ровно к тому месту, куда она клала бумаги. Случайно так не получалось. Кирилл вообще ничего не делал случайно — она поняла это ещё на второй неделе, когда он переставил дозатор антисептика на полтора сантиметра влево, а через день вернул обратно: в новом положении тот мешал открывать ящик.

Женя запретила себе об этом думать, положила бумаги рядом — без паузы, без взгляда на кружку — и пошла к палате двести четвёртой.

Палата Андрея Суворова пахла апельсинами и хлоргексидином — сочетание, которое точнее любых слов описывало больницу: стерильное и живое, рядом, в одном воздухе.

Андрей сидел на кровати. Правая рука лежала на подушке — неподвижная, как деталь, отсоединённая от остального

тела. Катя стояла у окна, раскладывая вещи из пакета: термос, контейнер, блокнот с закладками.

— Доброе утро. Как ночь?

— Рука не двигалась, — ответил Андрей. Голос ровный — но с тем оттенком усталости, которую не снимает сон. — Пробовал три раза. Ничего.

Катя не обернулась. Поставила термос на тумбочку, блокнот — ближе к левой руке Андрея.

— Нужно время, — сказала Женя, проверяя показатели на мониторе. Давление — норма. Температура — тридцать шесть и восемь. Дренаж — чисто. — Нервные волокна восстанавливаются медленно. Иногда недели, иногда месяцы. Вчерашние тесты показали микроактивность в разгибателях. Это хороший знак.

— Хороший, — повторил он. Слово прозвучало как пустая гильза.

— Сегодня посмотрим динамику и подключим реабилитолога, — сказала Женя. — Я знаю, что сейчас тяжело. Но вы справляетесь.

Она говорила это тем голосом, которым умела создавать из слов одеяло. В Воронеже это работало: пациенты цепля-

лись за интонацию, за обещание, за улыбку врача — и хоть как-то дышалось.

Андрей кивнул. Катя расправила салфетку на тумбочке. Никто ничего не сказал.

За спиной Жени открылась дверь.

Кирилл вошёл без приветствия — шаг, остановка, взгляд на монитор, потом на пациента. Он взял планшет из бокового крепления, пролистал записи.

— Как рука?

— Не двигается, — сказал Андрей.

Кирилл кивнул. Положил планшет. Повернулся к кровати.

— Вероятность полного восстановления моторики правой руки при вашем типе повреждения — четырнадцать процентов. Частичное восстановление с бытовой функциональностью — около сорока. Мета-анализ прошлого года, выборка — тысяча двести пациентов.

Тишина.

Женя замерла. *Зачем?* Человек лежит, рука не двигается, жена у окна, и ты ему — четырнадцать процентов?

— Рекомендую начать эрготерапию до конца недели, — продолжил Кирилл ровным голосом.

— Быт адаптировать под левую руку: перенос рабочих поверхностей, установка поручней, перестройка кухни под одноручный доступ. Прежнего формата жизни не будет. Новый — возможен, если системно подготовить среду.

Женя открыла рот. Хотела сказать — «Не так». «Помягче». Все слова, которые не вмещались в паузу.

Катя обернулась. Женя ждала слёз, дрожащего «как вы можете». Ждала, что придётся встать между Кириллом и этой парой.

Катя выдохнула. Медленно, глубоко. Как будто что-то тяжёлое, размером с ложный оптимизм, наконец упало на пол.

— Спасибо, — сказала она.

Женя моргнула.

— Спасибо вам. — Катя шагнула к Кириллу, взяла его за рукав — не за руку, за ткань. Он вздрогнул, плечо дёрну-

лось рефлекторно, но не отодвинулся. — Правда, спасибо. Вы первый, кто сказал прямо. Я... я хотя бы понимаю, к чему готовиться дома. Что менять. С чего начать.

Катя отпустила рукав. Кирилл постоял ещё секунду — неподвижно.

— Список рекомендаций будет в выписке. — Развернулся и вышел.

Женя смотрела ему в спину. Дверь закрылась мягко — доводчик, плавный ход. Его шаги затихали в коридоре — ровные, одинаковые, как метроном.

Катя уже доставала блокнот. Перевернула страницу, написала сверху: «Кухня». И начала список.

Женя вышла в коридор и прислонилась к стене. Сквозь халат тянуло холодом краски. За дверью палаты шуршала бумага: Катя писала список.

Ни одно её мягкое «нужно время» не дало Кате опоры так, как дали четырнадцать процентов и слово «кухня».

Женя вспомнила Воронеж: Семёныч с его «держимся, всё нормально». На обходе пациенты кивали. Ночью звонили дежурной с одним и тем же вопросом: «Что дальше?»

Она потёрла большим пальцем шов на кармане халата, пока ткань не стала тёплой.

Четырнадцать процентов. Эрготерапия. Пандусы. Кухня.

Жёстко. Больно. И впервые — по-настоящему.

Вера окликнула её от стойки:

— Стрельников спрашивает Вершинина. Не знаешь, где он?

Женя видела, как он свернул за угол — прямая спина, ни одного лишнего движения.

— Думаю, уже там.

В кабинете Стрельникова пахло кофе и кожаным креслом.

Стрельников стоял у окна, когда Кирилл вошёл. Не обернулся сразу — выждал три секунды, дожидаясь, пока дверь закроется. Он никогда не начинал разговор, пока пространство не было герметичным.

— Садись.

Кирилл не сел. Остался у порога.

— Мне нужна замена анестезиолога.

Стрельников обернулся. Брови чуть приподняты.

— Лариной?

— Да.

Стрельников подошёл к столу, сел на его угол — жест неформальности, который Кирилл опознавал как приём.

— Кирилл, кадров нет.

— Перевод из смежного отделения. Или внешний набор.

— Кадров, — повторил Стрельников медленнее, — нет.

Ларина — четвёртый анестезиолог за год. Первого ты выжил за неделю. Второй ушёл сам. Третья заплакала. Кто следующий?

Кирилл молчал. Данные были корректны.

— Работай с Лариной. Или увольняйся.

Пауза.

Стрельников встал, обошёл стол, сел за него — уже формально. Другой регистр: не «мы разговариваем», а «я объясняю».

Кожа кресла под ним коротко скрипнула.

— Послушай. Я смотрел записи операций. В блоке тихо. Ноль замечаний. Ноль жалоб от бригады.

Стрельников постучал пальцем по столу.

— Разница есть, Кирилл.

Кирилл смотрел на угол стола, где лежала стопка бумаг — ровно, параллельно краю. Стрельников тоже выравнивал стопки. Только у него порядок был декорацией, а у Кирилла — несущей конструкцией.

— Она задаёт вопросы, — сказал Кирилл.

— И?

— Не по процессу. По мне.

Стрельников откинулся в кресле. Промелькнуло что-то в лице — не улыбка, тень понимания, которое он мог себе позволить только за закрытой дверью.

Вентиляция под потолком гудела ровно, на одной ноте.

— Значит, она видит тебя. И это тебя пугает.

Кирилл не ответил. Формулировка требовала оценки, а шкалы не было.

— Замены не будет. Иди работать.

Кирилл вышел.

В коридоре — дневная смена: каталки, шаги, гудение ламп. Под подошвой мелко пружинил линолеум. Он остановился у двери стрельниковского кабинета.

Запрос: замена анестезиолога. Статус: отклонён.

Раньше это означало пересчёт маршрута и новую попытку через неделю. Сейчас — нет.

Он прекратил просить замену.

Не из-за ультиматума. Не из вежливости.

Стрельников назвал факты: тишина в блоке, ноль замечаний, ноль жалоб.

Факты совпадали с наблюдениями.

Ларина остаётся.

Он проверил часы. Секундная стрелка шла ровно; этого было достаточно, чтобы не возвращаться к разговору.

Мимо ординаторской за стеклянной перегородкой Женя листала планшет. Подняла глаза — на секунду. Он не кивнул, не замедлился. Но заметил: кроссовки — белые с оранжевыми вставками. Те же. Нарушение протокола, которое он регистрировал каждый день и каждый день не маркировал замечанием.

В кабинете он сел за стол. Кружка стояла на новом месте — там, куда он переставил её утром. Два сантиметра от привычных четырёх пальцев. Асимметрия. Он не стал возвращать.

Открыл блокнот. Чёрная гелевая ручка, наклон пятнадцать градусов. «Ларина Е.М. Неделя 4. Наблюдения.»

Перечитал вопрос из прошлой записи: *А вам вообще нравятся оперировать?*

Сегодня — палата двести четыре. Четырнадцать процентов. Эрготерапия. Пандусы. Ларина стояла рядом — молчала, но он видел, как она сжала планшет. Побелевшие костяшки.

Она не вмешалась. Не стала переводить его слова на свой язык. Не сказала «он не это имел в виду». Стояла и смотрела, как Суворова взяла его за рукав.

Он до сих пор чувствовал ткань на рукаве — лёгкое давление между запястьем и локтем.

Она не тянула и не хватала. Просто удержалась.

«Спасибо» прозвучало в ответ на прогноз, а не на его присутствие.

Записал: «Реакция Суворовой: после прогноза — выдох, расслабление, инициация контакта. Гипотеза: определённая снижает тревогу эффективнее утешения».

Под этим — мельче:

«Ларина. Не вмешалась. Наблюдала. Зафиксировала результат.»

Точка. Взгляд на кружку. На правый край стола — пустой, ровный, ожидающий бумаг, которые она принесёт завтра. Пустое место больше не выглядело ошибкой разметки.

Нравится ли мне оперировать.

В операционной руки знают, что делать. Вне операционной — нет. Но сегодня в палате сработало то же: факт, пауза, потом тишина. В такой тишине можно двигаться дальше.

Он закрыл блокнот. Выключать лампу не стал. За стеной — шаги, голоса, звук закрывающейся двери. Обычные звуки больницы, которые он давно отфильтровал. Сегодня они не мешали.

Завтра она положит бумаги на правый край стола. Кружка не будет мешать.

Он перестал искать термин.

Глава 5. Флешбэк

Телефон показывал два часа сорок одну минуту. Женя перевернулась на правый бок, потом на левый, потом легла на спину и уставилась в потолок, где фонарь с парковки рисовал полосу света — ровную, прямую, похожую на разметку коридора.

Больничного коридора.

Она закрыла глаза. Не помогло.

Смена закончилась в десять. Обычная, без осложнений: два плановых — менингиома и невринома, шесть часов суммарно, протокол чистый. Кирилл работал молча, как всегда. Ринат подавал инструменты, как всегда. Она держала наркоз, как всегда. Всё было «как всегда», и именно поэтому дома тишина не давала уснуть.

Женя встала, налила воду. Кран захрипел — трубы в этом доме жили своей ночной жизнью, гудели и щёлкали, как будто кто-то за стеной переставлял мебель. Она сделала глоток, стоя у окна. Москва за стеклом дышала оранжевым — фонари, окна, светофоры. Не город — ночной монитор: всё мигает, всё живое.

В Воронеже свет за окном был другим. Жёлтый, тусклый, с мёртвыми зонами между фонарями. Улица Лизюкова, третий этаж, детская комната — две кровати, разделённые книжным шкафом. Лёша спал справа, у стены. Женя — слева, у двери. Потому что «ты младшая, если что — убегай первая». Он так решил, когда ей было шесть. Ей не от чего было убежать, но Лёша готовил план на любой случай: если пожар — через окно по пожарной лестнице; если землетрясение — в дверной проём; если кто чужой зайдёт — кричать, он разберётся.

Ему было одиннадцать. Она верила каждому слову.

Стакан опустел. Женя поставила его на подоконник и вернулась в кровать, хотя знала: сны не придут. В такие ночи они не приходили — вместо них приходил коридор.

Областная больница, Воронеж. Март. Ей четырнадцать, ему девятнадцать. Перелом бедра — мотоцикл, поворот, который Лёша проходил сто раз. На сто первый — не прошёл. Скорая, приёмный, рентген, вердикт хирурга прозвучал в коридоре, сухо и быстро:

— Перелом со смещением. Нужна операция, но ничего

критического.

— Штифт поставим, через два месяца побежит.

Мама выдохнула. Папа пожал хирургу руку. Женя стояла у двери в палату, смотрела, как Лёша морщится, подбирая положение для ноги, и шутил:

— Жень, принеси мне телефон.

— И учебник, я же завтра не смогу на пару.

— Ладно, учебник не надо.

Она принесла телефон и шоколадку. Он съел половину и заснул. Она сидела рядом, читала его переписку — он разрешал — и думала, что всё будет хорошо, потому что хирург сказал: плановая.

Операцию назначили на следующее утро.

Женя помнила: мама пришла в семь, в белой блузке, потому что «нельзя же в больницу в чём попало». Папа — в рабочей куртке, заехал до завода. Лёшу увезли в операционный блок в восемь двадцать. Каталка скрипела — левое колесо. Он поднял руку и показал ей большой палец.

Последний жест, который она запомнила целым.

Дальше — фрагменты. Не кинолента, а слайды, вырезанные из темноты.

Коридор. Скамейка у стены. Мама перебирала ручку сумки — туда-сюда, туда-сюда. Папа ходил до автомата с кофе и обратно — шесть шагов в одну сторону, шесть в другую. Женя считала его шаги, потому что считать было легче, чем думать.

Одиннадцать двадцать. Хирург вышел — в зелёном, без маски, лицо нормальное.

— Штифт поставили, всё штатно.

— Через час переведём в палату.

Мама заплакала от облегчения. Папа сел на скамейку и уронил стаканчик. Кофе растёкся по линолеуму — коричневый на сером, как старое фото.

Двенадцать пятнадцать. Женя собирала фантики от конфет в карман, когда дверь реанимации хлопнула — не открылась, а хлопнула. Медсестра пробежала мимо. Потом вторая. Потом голос по громкой связи — цифры, которые Женя тогда не понимала, а теперь, четырнадцать лет спустя, расшифровывала мгновенно: вызов анестезиолога-реаниматолога, палата пробуждения, остановка дыхания.

Мама встала. Ручка сумки выпала. Женя запомнила звук — щелчок замка по полу.

Три дня реанимации. Три дня, когда мир сжался до размеров стеклянной двери: от неё тянуло холодом и хлоркой. За стеклом Лёша лежал с трубкой, с проводами, с экраном, на котором прыгали цифры. Мама стояла с другой стороны и прижимала ладонь к поверхности, как будто через неё можно было передать тепло.

Анестезиолог ошибся. Тогда это называли иначе.

— Что с сыном? — спросила мама.

— Тяжёлая реакция на препарат. Мы работаем, — сказал заведующим, глядя в историю болезни.

— Аллергию проверяли? — спросил папа.

Он задержал паузу, поправил перчатку.

— Сейчас главное стабилизировать состояние.

Потом добавил, уже для протокола:

— Непрогнозируемое осложнение.

Женя видела его руки — они дрожали. Видела паузу перед словом «непрогнозируемое». Тогда она ещё не знала названий. Потом узнала: анамнез, проверка, протокол. Ошибка всё равно выглядела так же.

Но он не сказал этого вслух. Никто не сказал.

Лёша умер в четверг, в шестнадцать сорок. Женя стояла за стеклом. Ладонь — на том же месте, что и мамина, и стекло жгло холодом. Линия на мониторе стала прямой, и Женя подумала — ясно, холодно, как мысль, которая не принадлежала четырнадцатилетней девочке: *Это случилось, потому что никто не проверил*.

После похорон отец прожил в доме ещё семь месяцев. Потом собрал чемодан, сказал маме: «Я больше не могу здесь», — и уехал в Курск. Женя слышала это через стенку. Мама не плакала — она давно перестала плакать, переключившись на другой режим: готовила завтрак, стирала, ходила на работу, вечером садилась на кухне и смотрела в окно, пока Женя мыла посуду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.